

Телята дикого кабана поначалу вели себя довольно агрессивно, бросались, пытались укусить, но Да Хуан одного за другим отшвырнул их обратно. Спускаясь с холма, он тащил их за собой, и некоторые поросята, поддавшись его рывку, скатывались вниз по склону, застревая в лианах и беспомощно болтая ногами в воздухе, в то время как другие разворачивались и бежали обратно в гору, словно играя с Да Хуаном в перетягивание каната. Однако он, не выражая ни малейших эмоций, продолжал тащить их вниз, воспринимая их исключительно как будущую свинину.

Наконец, добравшись до двора, Гао Чан постучал в заднюю дверь, и вскоре кто-то открыл. Внутри царил мрачная атмосфера, вероятно, из-за происшествия с Чжэн Госи. Гао Чан бросил дикого кабана во дворе, а Да Хуан, тянувший за собой поросят, столкнулся с трудностью при переходе порога: ноги у малышей были слишком коротки, и двадцатисантиметровый порог оказался для них непреодолимым препятствием. Они визжали и кричали, но не могли войти, так что Да Хуану пришлось стоять на пороге, перенося их по одному.

Сбросив дикого кабана, Гао Чан обернулся и увидел, как Да Хуан ведет поросят к своему дому. Шум, который они поднимали, привлек внимание многих во дворе, но Да Хуан, хромая, продолжал свой путь, не обращая на это внимания. Дойдя до двери, он не смог войти и, повернувшись, посмотрел на Гао Чана, словно прося открыть. Тот, не смущаясь присутствия других, достал ключи, открыл дверь и, забрав из пасти Да Хуана лиану, с которой были привязаны поросята, швырнул их внутрь.

— Как дела у Чжэн Госи? — спросил Гао Чан у стоявшего рядом Чжэн Чуньхуа.

— Только что дали лекарство. Змеиный яд трудно вывести, на бедре вырваны два куска мяса, потеряно много крови. Неизвестно, выживет ли он, — с сожалением покачал головой Чжэн Чуньхуа, хотя его глаза пристально смотрели на лежащего во дворе дикого кабана.

— Я пойду посмотрю, а ты собери несколько человек, чтобы разделать этого кабана.

Дверь в дом дядюшки Ашаня была открыта, и Гао Чан поднялся на второй этаж, где в задней комнате лежал Чжэн Госи. Его лицо было бледным, и состояние казалось критическим. Дядюшка Ашань и тётюшка Ашань стояли рядом, их лица также выражали тревогу.

Деревенский дядюшка Цзю, бывший костоправ, сейчас обрабатывал рану Чжэн Госи. Его семья владела древними рецептами трав, и он хорошо разбирался в меридианах и акупунктуре, часто помогая деревенским жителям с лечением, а также с болезнями скота. Рядом с ним помогала повитуха, которую, видимо, позвали из другого двора. В наше время в деревне редко кто рождает дома, и повитухи уже давно не востребованы, но старые мастера, передающие знания из поколения в поколение, умели лечить не только рожениц, но и детей, испуганных или простудившихся, а также останавливать кровотечения и обрабатывать раны.

Гао Чан постоял немного, но, не найдя, чем помочь, вышел. Спускаясь вниз, он увидел мужчину, временно проживающего в доме Чжэн Госи, сидящего в темном углу, казалось, в подавленном состоянии. Войдя в свой дом, Гао Чан достал с дверного косяка три коробки с лекарствами. Еще раньше, когда он давал жаропонижающее сыну Чжэн Жисиня, он понял, что

подобные ситуации будут повторяться, и заранее подготовился.

На косяке лежали три коробки: жаропонижающее, противовоспалительное и кровоостанавливающее, расставленные в порядке для удобства, ведь в темноте полагаться на зрение было нельзя. Сейчас, однако, порядок не имел значения, и он взял все три.

Вернувшись в комнату Чжэн Госи, Гао Чан передал коробки мужчине в углу. Тот, приняв их, не стал громко благодарить, а лишь тихо произнес:

— Меня зовут Гунцзянь. Если в будущем понадобится помощь, просто скажи.

Гао Чан кивнул и вышел. Пока он не видел, в чем мог бы нуждаться в помощи других. Хотя в последнее время он держался отстраненно и, возможно, не раз отказался бы помочь, но заставлять других рисковать жизнью ради себя он не стал бы.

Во дворе люди быстро разделали дикого кабана. Из-за происшествия с Чжэн Госи никто не выражал особой радости, но движения их были легки и уверенны. Это был первый раз с наступлением зимы, когда двор собирался для совместной трапезы. Женщины резали мясо, кипятили воду, а дети толпились у печи, не желая отходить.

— Гао Чан, зайди в зал, — позвал его Чжэн Гохун, видимо, чтобы обсудить что-то важное. Большинство мужчин двора уже собрались там.

— Думаю, все уже слышали о том, что произошло сегодня вечером. Мы, семеро, поднялись на гору, проверили источник и обнаружили, что трубы повреждены насекомыми. На обратном пути мы столкнулись с диким кабаном. Чжэн Фанъи, Чжэн Голинъ и Чжэн Гочао первыми вернулись, а Чжэн Госи был тяжело ранен, и сейчас его состояние критическое, — начал глава деревни Чжэн Гобан. Деревенские уже знали о случившемся, но, услышав подробности от главы, снова зашептались.

— Обо всем остальном говорить не будем. Трубы нужно починить, а выживет ли Чжэн Госи, зависит от его судьбы. Но давайте обсудим поведение Чжэн Фанъи и остальных.

— Что тут обсуждать? У меня ведь нет ружья, что я мог сделать? — сразу же возразил Чжэн Фанъи, едва глава деревни закончил. — Гао Чан, если у тебя было ружье, почему ты сразу не достал его? Почему скрывал и смотрел, как односельчане идут на верную смерть?

— Ты ведь не умер, живешь и здравствуешь, — парировал Гао Чан.

— А Чжэн Госи? Он ведь на грани смерти!

— Если бы это был ты, я бы даже не посмотрел в твою сторону.

— Глава деревни, вы слышите? — Чжэн Фанъи, казалось, нашел серьезный повод для обвинения.

— Фанъи, я хочу спросить: когда вы убегали с горы, о чем вы думали? — глава деревни Чжэн Гобан пропустил их перепалку и задал прямой вопрос.

— Как я мог не бежать? Этот кабан был слишком опасен!

— А ты не пробовал сопротивляться?

— Глава, вы ведь сами пробовали, посмотрите на свою ногу, — Чжэн Фанъи всегда пренебрегал главой деревни, иначе не стал бы против его воли взламывать дверь дома Чжэн Цзунфана и селиться там. Раньше Гао Чан тоже не уважал главу, считая его мягкотелым добряком, но сегодня, увидев, как тот, несмотря на ранение, вынес Чжэн Госи с горы, его мнение изменилось.

— И что, если в будущем снова возникнет опасность, ты снова будешь убегать? — вздохнул глава деревни, и Чжэн Фанъи замолчал.

Вопрос был справедлив: в ситуации, угрожающей жизни, никто не осудит за спасение собственной шкуры. Но теперь, когда за пределами двора в любой момент можно было подвергнуться нападению диких зверей, если Чжэн Фанъи будет всегда убегать, кто сможет доверять ему? Кто захочет с ним сотрудничать? Если он не будет работать, как сможет содержать свою семью, питаясь из общего котла?

— Не говорим, что нельзя спасать себя, но если выходишь вместе, то и возвращаться нужно вместе. Если при первой же опасности поворачиваешься и бежишь, то что вообще можно сделать? — теперь слово взял Чжэн Гохун, человек, пользовавшийся уважением в деревне, чьи слова имели вес.

<http://bllate.org/book/15437/1369040>